

ТЕЗИСЫ РАЗВИТИЯ (ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ МОДЕРН)

Г.Н. Миненко

Кемеровский государственный
университет культуры и искусств

Обсуждаются ключевые параметры системного подхода к реформированию российского социума: основания идеологии, перспектива эволюции форм труда, индивидуализация жизнедеятельности, инновационное развитие материального и духовного производства. Предлагаются социокультурные проекты для перехода в режим мобилизационного развития общества.

Ключевые слова: индивидуальное трудовое хозяйствование, неразделенный труд, персонализация, инновационное развитие, социум.

Мотивом написания предлагаемого текста явилась потребность высказаться по поводу сложившейся в стране ситуации, непосредственным же поводом послужило ознакомление со статьей С. Кургина «Медведев и развитие», опубликованной весной 2008 г. [2].

Полное согласие вызвал основной ее тезис о том, что любая современная идеологическая конструкция может быть лишь той или иной модификацией европейского проекта «модерн», в существенных чертах созданного Просвещением. Однако автор понимает модерн явно социоцентрически. Поскольку в опубликованных нами работах представлена аргументированная критика такого именно понимания модерна, и в противовес ему развивается его персонологическая трактовка, возникла мысль представить свое понимание общего концептуального каркаса проблематики развития в сжатом, тезисном виде.

Как представляется, для политика в этих тезисах может быть интересен разви-

ваемый в них прагматический, а не сугубо абстрактно-философский подход к теме. На основе вытекающих из него гипотетических практических решений возможно реальное продвижение как по некоторым «горящим» вопросам (например, демография, создание рабочих мест и т.п.), так и по перспективным проблемам, в том числе проблеме мобилизации человеческого потенциала, как неперемного условия ответа на возникшие исторические вызовы.

Мы не вступаем в полемику с конкретными лицами. Мы лишь полемизируем и выражаем несогласие с той аурой безнадежности, которая накрыла страну в последние несколько лет, – естественный результат маниакального нежелания российского политического бомонда не только признать, но и начать решать очевидные проблемы – решать системно, а не в режиме пожарной команды. Для этого необходимо обозначить узловые моменты этой системности. Кто знает, в чем они состоят? Может быть, нашему журналу и начать эту работу?

1. Метафизика

Широко распространено мнение о том, что развитие нашей страны тормозится отсутствием рефлексированной идеологии, которая бы объединила нацию на некое общее дело. С этим можно согласиться, но учитывая, что с идеологией связаны слишком драматические воспоминания из недавнего прошлого, лучше говорить не об идеологии, а о метафизике. На наш взгляд, вхождение России и русских, как народа «идеократического», в фазу интенсивного и самобытного развития может начаться только на основе хорошей метафизики. Таковой может быть христиански ориентированная метафизика, дающая возможность утвердить соборное единство нации – умерших, живущих и еще не родившихся русских, и выступить в мировом концерте наций как единое лицо, Большой человек.

Центральный метафизико-антропологический тезис христианства, в особенности православного, утверждает тварное Богоподобие человека. Однако это слишком сильная форма тезиса, которая противоречит эмпирически явленному ничтожеству и низости человека на протяжении известной его истории. Поэтому формула Богоподобия как метафизического ориентира реального процесса жизнедеятельности русских может быть принята лишь в слабой форме.

Эта «формула» заключается в том, что человек как всеобщее, родовое существо сопричастен Божественному атрибуту актуальной качественной бесконечности, которая проецируется на мир и самого человека как бесконечность потенциальная. Глубочайший исток многих человеческих мотивов – это страсть превосхождения, снятия внешних и внутренних пределов

жизнедеятельности, выявленных чувствованием, мышлением и практикой человека. Крупные культурные и цивилизационные ускорения и прорывы были связаны с обнаружением таких пределов и нахождением средств их преодоления. Рефлексируемая конечность персонального или социального бытия вызывает отталкивание, пробуждает энергию движения и деятельности. Снятие пределов открывает горизонт и переводит социальную систему или личность в фазу интенсивного развития.

История последних столетий свидетельствует, что горизонт открылся европейцам последний раз в XV веке (в России несколько позднее – XVII век), что вызвало взрывную волну культуротворчества, вплоть до конца XIX столетия, во всех сферах жизнедеятельности, начиная от экономики и заканчивая утонченной философией и высоким искусством. Этим наследием до сих пор живет и Европа, и Россия.

«Пределы роста», нависшие над научно-технической цивилизацией со второй половины XX века, закрыли горизонт, ранее манивший человека неизведанными возможностями мышления, деятельности и самоутверждения. Большинство негативных процессов современности непосредственно связано с ощущением тупика, непреодолимых препятствий социального и индивидуального действия. Собственно, назревающий планетарный кризис связан с кумулятивным действием постепенно конституировавшихся внутренних и внешних пределов развития и экспансии человека. Выход из него предполагает канализирование этой экспансии в некое не найденное пока русло. В.В. Путин как-то сказал: «Я вижу будущую Россию как страну больших возможностей». Это прекрасная метафора, свидетельствующая об интуитивном чув-

стве истины, но она должна быть операционализирована посредством политических решений, которые и откроют «страну чудес» – объективный спектр широких возможностей индивидуального действия, самореализации и самоутверждения для многих, а не для какого-то привилегированного слоя россиян.

Конечно, важно знать, какова в каждую эпоху конфигурация «пределов человека», в чем их сущность и причины актуализации. Попытка рефлексии этой проблематики и создания концепции снятия пределов культурно-исторического развития предпринята в соответствующих работах автора [4].

2. Социализированный индивид как локомотив нового витка истории

Бог не смог окликнуть сразу всех или многих, и Божий глас услышала и на него отозвалась лишь отдельная душа. Поэтому спор о пресловутом «субъекте истории» близок к завершению. Если к языку Гегеля относиться без иронии, а наоборот, с почтением, то можно сказать, что мировой дух, дав возможность государствам, классам, сословиям загнать историю в полный тупик, уже решился на смену персонажа. На роль локомотива нового витка мирового развития, похоже, избран социализированный индивид, или, по-христиански, личность, персона. Все остальные структуры – социальные группы, нации, государства – только подпорки, средства и инструменты реализации индивидуального потенциала человека.

Проект модерна, или современного общества, сформировался поэтапно, начиная с эпохи Возрождения и до конца XVIII века. Изначально в него был заложен пафос

освобождения именно личности, поэтому индивидуализм имманентно присутствует в гуманистической и буржуазной идеологии этого периода.

Однако свободное индивидуальное действие в социуме, имевшее результатом невиданную ранее экономическую, культуротворческую, социальную продуктивность, довольно быстро оказалось привилегией тонкого слоя господствующих сословий, классов и групп, межсословной интеллигенции. Основная масса населения в капиталистическом промышленном обществе была обречена на так называемый разделенный труд, главной особенностью которого явилось прогрессирующее отделение в нем мыслительных функций от физических, исполнительских. Протестное движение в форме социалистических и коммунистических идеологий, возникшее едва ли не одновременно с фабричным, машинным производством, было порождено не столько эксплуатацией пролетариев, как считал Маркс, сколько стихийным неприятием этой новой, не существовавшей ранее формы труда – частичного, разделенного, античеловеческого по своей сути и искоряющего базовый «инстинкт свободы» человека.

О несвободе в современных западных «постиндустриальных» обществах, либеральных по своей официальной идеологии, написаны горы книг. Действительно, в этих обществах царствуют не столько люди (даже какой-нибудь зловещий «комитет трехсот»), сколько надличностные структуры – объективные и несокрушимые как стена, поэтому трудно найти виноватых в удручающем результате западного развития, когда возможность свободного индивидуального действия стремится к своему пределу – к нулю.

Западным критицизмом (Франкфуртская школа, З. Бауман, Дж. Р. Сол и др.) представлена богатая феноменология утеснения свободы и краха либерализма. Благодаря постоянно нараставшему воздействию множества факторов свобода западного человека, особенно представителя городских агломераций, психологически выродилась в синдром самоизоляции, равнодушия или страха перед ближними. Свобода человека как потребителя товаров дезавуируется рекламой, свобода политического выбора – технологиями манипуляции сознанием, и т.д.

Однако критицизмом недостаточно акцентирована историческая причинность этого процесса. А она сводится, на наш взгляд, к двум особенностям европейского проекта модерн. Эпоха Просвещения заложила его фундаментальное основание – идеологию прогресса, понимаемого как совершенствование человека и общества. Но в решении вопроса о субъекте восходящего, прогрессивного развития мыслители единодушно встали на сторону общества. Поэтому основной сущностной чертой европейского модерна является его **социоцентризм**. Поскольку прогрессистская идеология была изначально нравственно заряжена в духе идеи совершенствования человека, или перфекционизма, встал вопрос, что является первичным в технологии прогресса: создание совершенного общества, которое затем усовершенствует индивидов, или формирование совершенного индивида, который сможет затем создать хорошее общество? Плеяда блестящих мыслителей двух веков решительно утверждала верховенство общества в сравнении с индивидом и личностью. Наиболее точно и глубоко выразил эту идею автор идеи абсолютной нравственности и ее категорического императива (чело-

век есть высшая ценность! И. Кант). Человек как отдельность у Канта – исчезающе малая величина, просто ничто в перфекционистской перспективе. Последующие классики философии на разные лады славляли социоцентристский проект усовершенствования человеческого мира. В чистом виде его попытались реализовать победившие русские большевики. Во что выродилось созидание совершенного общества несовершенными, по-христиански – неисправимо греховными, порочными людьми, хорошо известно.

Социоцентристский проект обеспечил также двухсотлетний мегатренд европейских обществ – неуклонное возрастание роли государства, или, в современном мире, равнозначных ему структур во всех областях жизнедеятельности человека.

Кроме того, он коррелировал со второй особенностью современной идеологии – с заложенным еще Возрождением потенциалом **секуляризации** общества и культуры, ослабления роли традиционной религиозности и роста атеизма. Мало того, что значительная часть населения попала в тиски нечеловеческой формы труда, секуляризация вела еще к атомизации индивидов, утраты связей с Большим миром (для верующих это Бог). В результате свобода выродилась в инстинкт самоизоляции, а другие индивиды превратились во враждебных, или просто неприятных, «других». Ж.-П. Сартр точно выразил такое ощущение свободы, блеснув афоризмом «ад – это другие».

На наш взгляд, проект модерна, в том виде как он развивался в течение последних двух столетий, исчерпал себя, выдав на-гора все, что он мог выдать. Вместе с тем нужно согласиться, что от модерна как идеологии прогресса отказаться невозможно ни психологически, ни реально, поскольку ничего ей равнозначного никто не придумал, и по-

сколькx встроенная в него идея совершенствования человека и общества сущностно консонирует с христианской идеей радикального исправления человека.

Резюме. Модерн может быть реанимирован и взят на вооружение только в перевернутом виде, а именно: в исторической динамике общества и цивилизации первична социализированная человеческая личность. Главное основание для этого – глубокая укорененность личности в неопостижимом для человеческого ума качестве мира – его бесконечности. Еще русский философ С. Левицкий отметил, что европейский либерализм был воодушевлен идеей практической бесконечности мира, открытой ранее Н. Кузанским и Д. Бруно. Добавим, именно поэтому он и принес неслыханные благодеяния для всего человечества. Но в этом наблюдении ушло в тень то простое обстоятельство, что непосредственным носителем этой идеи является не толпа, не классы, группы или государства, а, выражаясь по-христиански, Богоданная человеческая личность. Именно она в своем духовном мире открыта Бесконечности, и именно она является первоисточником социальной энергии, любых новаций и прорывов. В результате персоналогическое понимание общества в практическом (политическом, экономическом и т.п.) отношении оказалось фактически не продуманным, хотя существует почтенная традиция философии персонализма как на Западе (Э. Мунье и др.), так и в России (Н. Бердяев).

Однако, на наш взгляд, реальная политика вполне может выстраиваться на персоналогическом основании. Если мы найдем уникальное гармоническое соотношение между интересами индивидов и общества в целом, а также по его отдельным секто-

рам, рассматривая системообразующим элементом, т. е. движущим локомотивом именно социализированного индивида, то можно ожидать взрывного освобождения созидательной энергии в экономической, социальной, культурной областях. Так случилось, и такое соотношение было найдено в греческих полисных обществах периода классики в VI – IV вв. до н.э. То же самое наблюдалось во второй половине XVIII – XIX вв. в дворянском сословии России, создавшем фундамент и славу страны – классическую национальную культуру русских. Примеров подобного рода не так много, и у России есть шанс продолжить этот ряд.

Учитывая малость населения, необъятную территорию и объективно вытекающую отсюда тенденцию неуклонного ослабления и проигрыша страны в конкурентном взаимодействии с соседями, другого выбора, кроме как искать социальное ноу-хау, еще один секрет Левши, у нас фактически нет. На исхоженных путях светлого завтра мы не встретим.

3. Неразделенный, или целостный труд

Хотя отраслевое разделение труда (земледелие, ремесло, торговля) появилось еще в эпоху первых цивилизаций, на протяжении большей части своей истории человек занимался целостным или неразделенным трудом. Его особенность состоит в том, что все циклы технологического процесса – от замысла до распоряжения результатом труда – связаны с одним и тем же субъектом трудовой деятельности. Труд свободного (владеющего участком) земледельца, труд ремесленника, «свободного художника» – примеры такого неразделенного труда, ко-

торый напрягает все способности и возможности человека, формируя и обогащая его личностный потенциал.

Разделенный труд в его крайней форме был придуман англичанами в форме мануфактуры, и отличался от отраслевого разделения труда тем, что технологические операции при изготовлении продукта закреплялись за разными субъектами. Фактически сразу начали проявляться два фактора, сыгравших колоссальную роль в дальнейшей человеческой истории: 1) фантастический рост производительности труда; 2) возможность передать разделенные, четко оформленные операции техническим устройствам. Современный мир как мир массовый, индустриальный, научно-технический – в значительной мере следствие кумулятивного действия этих двух факторов. Разделенный труд – чудесное изобретение, снявшее количественный предел развития человека. Отныне стало возможным производить материальных благ столько, сколько нужно и более чем нужно. Демографический взрыв в буржуазной Европе XIX века, затем в странах, вовлеченных в орбиту ее влияния, – также результат этого изобретения.

Однако разделенный труд, для большинства сведенный к частичным, исполнительским операциям, формирует и частичного человека. Губительное воздействие разделенного труда на человека отмечено уже в XVIII веке поэтом Ф. Шиллером. Ему вторили Гегель («Философия права»), К. Маркс («Экономическо-философские рукописи», 1844 г.), который, правда, запутал проблему, сведя отчуждение труда к вопросам собственности, а освобождение труда – к воссоединению работника-исполнителя с собственностью на средства и результаты труда. Поэтому заслугу принципиальной

постановки вопроса о разделенном труде в промышленной сфере и необходимости его преодоления следует признать за «социалистом-утопистом» Ш. Фурье и русскими анархистами XIX – XX столетий. Но по большому счету проблема осталась как теоретически, так и практически неразрешенной. К. Маркс додумался лишь до того, что собственно человеческой можно считать лишь деятельность в свободное от индустриального труда время. А прогресс будет состоять в изменении пропорции в пользу досуга за счет применения техники, машинного, автоматизированного труда.

Ныне круг замкнулся. Индустриальный труд, в котором работник отчужден от его замысла, где каждый крутит свою гайку, часто не понимая сути целого, превратил народы в «народные массы» и обеспечил их неуклонную культурную, нравственную, интеллектуальную деградацию. Не важно где они работают – на фабрике, в банке, конторе, – результат один и тот же.

Но нельзя не учитывать, что индустриализм до сих пор не смел человека с лица земли не только потому, что не все народы сразу приобщились к нему, а потому, что и в промышленно развитых странах он не стал тотальным, что в них сохранялись анклав целостного, собственно человеческого труда. К ним относятся *художественная, гуманитарная и аграрная сферы общества*. Последнее далеко не очевидно, поэтому об аграрном секторе скажем отдельно.

4. Индивидуальное трудовое хозяйство (ИТХ)

Предлагаемый термин (ИТХ) – модифицированный вариант терминологии, встречающейся в работах А.В. Чайнова и ученых-аграрников его круга (индивидуаль-

ное семейно-трудовое хозяйство, крестьянское трудовое хозяйство и др.). Но у него бо́льший объем и несколько иное содержание, и применим он не только к аграрной области. Под ИТХ мы понимаем семейное хозяйствование без применения наемного труда.

Сущностное качество ИТХ состоит в том, что оно представляет в настоящее время единственный значимый анклав неразделенного, целостного труда, потребность в котором (это мы принципиально утверждаем) носит массовый характер. Более того, он функционален, экономически оправдан, незаменим как древнейшая культурная форма организации деятельности, наконец, наиболее перспективен, как одно из главных средств выхода на антикризисную траекторию развития – именно для России. Он в высшей степени органичен для страны, бывшей почти всю тысячу лет своего существования земледельческой.

ИТХ в XX столетии представлено, прежде всего, мировым фермерством. Независимо от того, крупное, среднее, мелкое ли это хозяйство, фермерство неизменно оставалось семейным во всех странах, кроме СССР и его сателлитов. По поводу экономической эффективности двух этих систем доказывать особенно нечего, факты говорят сами за себя. Колхозно-совхозная система, с ее уродливой формой труда, фабрично-заводским способом хозяйствования на земле, содержала в себе такой поражающий потенциал, что до сих пор Россия остается единственной из индустриально развитых стран, которая импортирует такое большое количество продовольствия. И конца этому не видно. Новое поколение россиян бежит от деревни, оставшейся чисто советской, как от пожара.

Но не только фермерство свидетельствует о сохранившемся потенциале и инстинкте индивидуального трудового хозяйствования. Отдельные и даже значительные элементы неразделенного труда содержит так называемое «малое предпринимательство». Как известно, в мире оно не только признается, но в некоторых промышленно развитых странах и процветает. Только в России десять лет лениво раздумывают, надо ли его поддерживать, не повредит ли эта мелкота привычному с советских времен гигантизму. Неумное стремление «масштабом» потрясти воображение иностранцев когда-нибудь погубит нас окончательно.

Наконец, самый красноречивый феномен, свидетельствующий не только о тенденции, а просто о генетической предрасположенности русских к самостоятельному хозяйствованию, это советский феномен городского огородничества. Нигде в мире не наблюдается такой картины, когда на десятках миллионов карликовых земельных участков люди после основной, часто тяжелой работы, а также и те, кто находится на «заслуженном отдыхе» занимаются самоэксплуатацией – самым что ни есть интенсивным трудом ради копеечной выгоды, иногда еще в ущерб здоровью.

Тема ИТХ столь важна и обширна, что остается лишь сослаться на ее новейшие ее разработки в русле чаяновской традиции, в частности работы А. А. Латышева [3].

Нам представляется, что индивидуальное трудовое хозяйствование необходимо рассматривать, в первую очередь, не как экономический, а как социально-культурный феномен. ИТХ – единственная культурная форма жизнедеятельности, соединяющая производство средств жизни с производством самой жизни. Более эффективного социально-культурного механизма, фоку-

сирующего направленность жизненных мотивов и деятельностных устремлений личности на воспроизводство себе подобных, нет. Массовидные же формы трудовой занятости, разрывая в пространстве, в целевых установках, повседневных действиях членов семьи, уничтожают ее основу.

Россия – одна из немногих на сегодня наций, которые, в силу обладания большим ресурсом жизненного пространства, могут улучшить качественно и увеличить количественно свое население, соединив древнюю культуру моногамной семьи с научно-технической теорией и практикой. Индивидуальное трудовое хозяйствование, основанное на русской этнокультурной поселенческой традиции (деревня однодворка, заимка, починок, выселок) и новой технико-технологической базе, может стать не только катализатором возрождения русской семьи, ее детородной активности, но, возможно, привлекает к нам активную часть представителей европейских этносов, идентичных по поведенческой культуре. В истории России это уже случалось.

ИТХ – не панацея от всех проблем современной России. Но оно должно иметь свою законную «экологическую нишу» в традиционном для нашей страны многоукладном хозяйственном устройстве.

5. Инновационное развитие, три его прорывные области

В настоящее время в обсуждении проблемы перехода российской экономики на инновационный тип развития преобладают технократические подходы и прагматические соображения. Считается, что освобождение от ресурсно-экспортной зависимости и ориентация экономики на экспорт готовых изделий – это ее магистраль-

ный путь, светлое экономическое будущее. Особые надежды возлагаются на «высокие технологии». Но с гуманитарной точки зрения сугубо технологические инновации не могут быть движущей силой инновационной экономики. Технологии – область вторичных инноваций, которая вырабатывает ту или иную нишу, определенную фундаментальной наукой.

Важными представляются три аспекта инноватики: 1) критерии инновационной экономики, 2) инновационная атмосфера, 3) определение инновационных приоритетов, на основе которых можно выстраивать инновационную сферу системно.

(1) Вопрос о критериях – смыслообразующий. *Первый из таких критериев* должен носить метафизический характер. Он заключается в том, что объекты деятельности инновационного сектора должны обладать качеством потенциальной бесконечности и «причастны» бесконечности актуальной, иначе говоря, должны быть сверхсложными. В определенных условиях они могут быть сакрализованы, а это главное условие формирования субъекта инновационной деятельности. Только бесконечные по своей природе объекты деятельности способны стимулировать бесконечный интерес и подлинную преданность ее субъекта.

Если рассуждать в светских категориях, то таким объектом, прежде всего, может быть **Природа в целом**, или большой космос. Исходя из этого тезиса, можно утверждать, что локомотивом инновационной экономики должна являться в первую очередь (1) фундаментальная наука. Как и философия, она нацелена на постижение существенных законов природного мира.

Подлинно инновационными с этой точки зрения в недавнем прошлом были США и СССР – две державы, которые вели

фундаментальные научные исследования по всему спектру. Задача восстановления должного уровня фундаментальной науки начинает осознаться, но нужно учесть также одно не совсем понятное мировое явление. И. Шафаревич отметил тенденцию затухания научного этоса и фундаментальных исследований в естественных науках. Это выражается в том, что с 1930-х годов до настоящего времени в мировой науке, с его точки зрения, не было сделано значимых открытий фундаментального характера. Осуществлялось лишь постепенное и, возможно, близкое к завершению вычерпывание технических и технологических приложений в рамках уже открытых фундаментальных законов природы. Наука вообще интернациональна, и фундаментальная наука экономически неподъемна для одного, даже очень богатого государства, – здесь неизбежна кооперация с мировым научным сообществом.

Второй критерий инновационных секторов экономики – направленность на развитие неэгоистических мотиваций деятельности, в чем человечество нуждается не меньше чем в деньгах, домах, комфорте и других жизненных условиях. Только при таких мотивах знание и деятельность обретают своего рода «вечный двигатель», неисчерпаемую энергетику. Творческие мотивы вообще прямо не связаны с материальной выгодой и социальным престижем, поэтому только на деньгах и корысти ни наука, ни искусство, ни технологическое развитие далеко не уйдут.

Наряду с миром в целом бесконечной является онтологически первичная по отношению к социуму *человеческая личность*, или, как раньше говорили, человек как микрокосм, малый космос. Поэтому второй сферой инновационного прорыва имеет

все шансы стать **российская педагогика**, которая в настоящее время восседает на мешке с золотом (в смысле разработок и наследия), но этот запас фактически не используется. Соответственно, финансовые потоки пока направляются почти исключительно на развитие материально осязаемых компонентов общественного бытия, а не на настройку «тонких структур», к которым относятся, в частности, образование и воспитание. По этому показателю – ориентация общего образования на интенсивное развитие личностного потенциала – в мире сейчас лидируют Япония, Финляндия, быстро догоняет Китай.

К перечню базисных скреп российской инноватики следует отнести также креативно понимаемое **сельское хозяйство**, понимаемое, как уже говорилось, именно как индивидуальное трудовое хозяйствование.

Вообще главный методологический принцип российской инноватики состоит в том, что она должна прямо связываться с поддержкой и пестованием ростков и секторов неразделенного труда. Необходимо целенаправленно увеличивать их удельный вес в общественном производстве.

Теперь об *инновационной атмосфере*. Она может быть только романтической. Романтика, по точному определению философов Шеллинга и Шлейермахера, это укорененность творческого сознания человека в чувстве бесконечности. Можно добавить: романтизм основывается на непосредственном чувстве отсутствия границ собственных возможностей, пределов деятельности. Романтичны чаще молодые люди, так как они своих пределов еще не знают. Одним словом, для творчества и инновационной деятельности нужен открытый горизонт – как в сознании субъекта, так и в социальной реальности.

Если посмотреть, с точки зрения инновационных прорывов, на новейшую (советскую) историю России, то очевидно, что первый раз горизонт разомкнулся в практическую бесконечность в 1920-е годы. Причин было две. Первая – неразбериха, связанная с любой сменой социально-экономической и идеологической основы государства, а также объективная возможность более интенсивного творчества в эпохи кризисов и переходов. Вторая причина заключалась в том, что большевики предложили радикальный проект переустройства общества и всего уклада жизни. В этом проекте почти ничего не было ясно как в целом, так и в деталях. Новая власть сама мечтала и позволяла это делать всем другим более или менее лояльно настроенным гражданам.

Второй прорыв случился в 1950 – первую половину 1960-х годов. То, что называют романтизмом «Оттепели», есть не что иное, как массовое ощущение открытости горизонта – «мы все можем». Наследием двух этих творческих периодов до сих пор живет страна. Искусственное свертывание ситуации открытости в первом случае привело к смене творческого мотива доминирующим мотивом страха, во втором быстро вызвало психологическое старение нации, названное эпохой застоя.

Современное состояние российской нации – состояние тотально депрессивное. Не удивительно! Реформами 1990-х область новых реальных возможностей открылась не тем, кому она была нужна, а тем, кто этого вовсе не заслуживал, – маргинальным субъектам, одержимым жаждой наживы.

Сухой остаток нашего рассуждения состоит в том, что вместо попыток успеть втиснуться в последний вагон уходящего

поезда («высокие технологии» в их сугубо техническом, изобретательском смысле) нужно в первую очередь ремонтировать, а во многом и строить заново свой локомотив – фундаментальную науку, университетское образование, воспитание и креативно интерпретируемую сферу индивидуального трудового хозяйствования, в том числе аграрного. Все остальное – создание структур по превращению потенциала фундаментальных разработок в собственно инновационный продукт, законодательное обеспечение приоритета инновационных предприятий и т. п. – вопросы вполне решаемые, потому что известны технологии и алгоритмы их решения – если не в отечественной, то в мировой практике.

6. Русские

Что касается национальной и демографической проблем, которые требуют самого пристального внимания, то у власти голова может не болеть ни о ком другом, кроме этнических русских. Почему именно русских в «многонациональном государстве»? По двум причинам и обстоятельствам.

(1) Именно русские не только понесли наибольший демографический ущерб за советские десятилетия, но и начисто лишились этнокультурной основы своей жизнедеятельности, которой было индивидуальное (семейное) трудовое хозяйствование – для большинства таковой являлась аграрная деятельность. Произошло это в результате раскрестьянивания и расказачивания вкупе с превращением в колхозно-совхозной системе полноценного хозяйствующего субъекта в аграрного пролетария с его дефектным – частичным, разделенным трудом. В значительной меньшей мере это коснулось

(по разным причинам) народов Кавказа, Закавказья, Средней Азии и Прибалтики.

Вместе с этой основой в небытие провалилась и органично связанная с ней этническая (бесписьменная) фольклорная культура – те самые «жорни», которые сейчас ищут. Восстановить их в аутентичном виде не поможет никакое чудо. В сравнении с могучими соседями, которым нужны лишь территория и ресурсы – Японией, Индией, Китаем, – наше положение не просто уязвимо, оно убийственно. Русские, видимо, единственный крупный народ, вступивший в XX век с глубоко поврежденным, едва не до основания разбитым этнокультурным ядром. Этому ядру необходима реанимация. Способ реанимирования – максимально возможное развитие индивидуального (семейного) трудового хозяйствования, теперь уже не только в аграрной сфере, но во всех областях, где это возможно по специфике и логике деятельности.

(2) Русские – самый многочисленный этнос России, поднявшийся до уровня индивидуализации жизнедеятельности и социального бытия, поэтому он вполне консонирован с мировой цивилизационной динамикой, каковой является вектор персонализации. Население многих других регионов бывшего СССР во многом осталось на доцивилизационном, клановом уровне развития. Оно легко сбивается в стаи и кровнородственные группы, и может действовать консолидированно и весьма агрессивно по отношению к чужакам. Русские же – неисправимые индивидуалисты, разобщенные в своем личном самобытии – легко проигрывают на социально-конкурентном поле немногочисленным, но сплоченным кланам собратьев по социалистической родине, выстраивающим моноэтнические анклавы и государства.

Необходимо опереться на еще сохранившееся главное этнокультурное качество русских. Оно заключается в том, что русские в наибольшей мере из исторических народов обладают способностью к индивидуальной (семейной) самоорганизации во *взаимодействии с природой*. Народы Азии и Западной Европы обладали этим качеством на первичных стадиях развития в условиях разреженного населения. Демографический пресс постепенно привел к тому, что в густонаселенных государствах первичным, наиболее важным для выживания индивида качеством стала его способность адаптации не столько к природе, сколько к социуму. Возник феномен «густой социальности», принесший европейцам много добра и зла. Русские в силу масштаба заселенной территории испытали демографическое напряжение только один раз, к концу XIX века, когда в Центральных губерниях России возникло аграрное перенаселение. Россия не успела обезвредить эту бомбу, что и привело к череде крестьянских по своей природе революций XX столетия, столкнувших страну с эволюционной траекторией развития.

Сейчас население России стянуто в густонаселенные районы и крупные города-миллионники, по числу которых (относительно численности населения) Россия занимает одно из первых мест в мире. Русские пространства, и прежде всего Зауралье, не заселены и не обихожены. В условиях мировой зависти к российским природным ресурсам долго это продолжаться не может. Новые информационные технологии, технический базис индивидуального хозяйствования, придуманный и созданный в основном европейцами, позволяют осуществить вторичное расселение русских по собственной территории. Но такое рассе-

ление должно быть естественным процессом – следствием принятия и осуществления некоторых мегапроектов.

7. Внешнее – внутреннее

В выстраивании инновационной экономики можно использовать принцип **«жесткая броня – мягкое ядро»**. Имеется в виду, что ее внешнюю оболочку образуют инерционно развивающиеся области разделенного труда, результаты которого на мировых рынках обеспечивают конкурентоспособность государства в мировом разделении труда. Подобные сферы деятельности императивно необходимы для создания общего пирога. Их роль состоит в создании стартовых условий для инновационной экономики. Нельзя не отметить, что ресурсодобывающие отрасли, энергетика, «высокие технологии», информационный сектор и т.п. лишь воспроизводят элементарные условия жизни и создают никакие не знания, не ценности и не культуру, а особого рода товар, который бойко расходуется. Их значимость задается ситуацией ожесточенной борьбы за жизненный ресурс между государствами, биологическая природа которых с течением времени несколько не менялась. С волками жить – по-волчьи выть!

Банкирам, коммерсантам, работникам материальной сферы и услуг полагается честная работа на себя и на прокормление нации. Вообще же относительно традиционно рыночных секторов экономики можно сказать, что крапива растет сама по себе, поэтому рыночные условия для этих областей деятельности как раз оптимальны. Культурные же растения произрастают в оранжереях. Сад и оранжерея – изобретение аристократическое. В роли

аристократа и садовника, призванного запустить кумулятивный процесс инновационного развития, культивировать науку, образование, воспитание, индивидуальное трудовое хозяйствование в современных российских условиях могут только государственные структуры и возглавляющие их государственно-мыслящие личности. Государственная опека необходима до того времени, пока эти инновационные сферы не выйдут на уровень самоорганизации.

«Мягкое ядро» есть не что иное, как гуманитарные технологии, тонкие настройки индивида и общества, позволяющие выйти на траекторию органического развития, не отягощенного идеологическими предрасудками.

Нужно ответить на существенный вопрос: что заставило русских, закрыв глаза, броситься вначале за большевиками, затем, в конце столетия, за перестройщиками социализма? Формально в первом случае это был вопрос о земле. «Земля и Воля» как сердцевина народной идеологии поздней Российской империи понимались именно как хозяйствование на себя, без помещиков и начальников. В этом смысле русские – крайние анархисты и безгосударственники. Низовая стихия русских такова, что они вполне способны адаптироваться и безгосударственно жить припеваючи и в тайге, и в тундре, и за полярным кругом. Недостающую русским социальность в ее крупном (государственном) масштабе успешно компенсировала своими, не слишком гуманными, средствами российская бюрократия. Начало этому было положено разгромом вечевых республик и подавлением демократических, конституционных ростков русской жизни еще до империи (так считает А. Янов). Симбиоз, казалось бы, несочетаемых начал – анархии и жесткого бюрократического централизма

– породил феномен единственной в мире приполярной цивилизации.

Так или иначе, тайна русских революций первой четверти XX столетия лежит на поверхности и тайной не является – это страстное стремление крестьянских масс к самостоятельному, сугубо индивидуальному, или точнее семейно-групповому хозяйствованию на земле. На волне народной революции явилась и идея «народного социализма». Ее ясно излагал вожь донского красного казачества Ф. Мионов. Победила, однако, линия социализма государственно-бюрократического, в котором от собственно социализма ничего не осталось, а реализовалась намеченная еще в империи программа научно-технической модернизации.

Идея приватизации госсобственности 1990-х посредством именных чеков выражала, по сути, то же стремление советского человека сбросить с себя ярмо госбюрократии и построить, в противоположность социализму, теперь уже «народный капитализм», понимаемый как свободное «предпринимательское» хозяйствование индивида и добровольно-кооперативных структур. Результаты двух революционных порывов до удивления тождественны, зеркально отражают друг друга. В первом случае земля отошла в полное распоряжение партии и государства, во втором – именные чеки подлогом заменены принципом их свободного обращения, за чем последовала концентрация собственности в руках узкой прослойки «успешных». За два десятилетия выстроена чиновно-олигархическая, в моральном смысле криминальная, система собственности со всеми ее прелестями, – тяготами граждан и государства в обеспечении элементарных жизненных нужд, неслышанным попранием социальной справедливости по

причине материального расслоения низов и верхов и т.п.

Стране нужна третья (реформационная) попытка войти в органическое русло развития, которое определяется народными чаяниями русских к собственному «делу» – хозяйствованию, субъектом которого может быть только социализированный индивид как верховный распорядитель своей жизни и деятельности.

Post Scriptum

Настоящий текст составлен в начале года. Серьезных изменений в положении дел к настоящему времени не произошло. Нельзя, однако, не откликнуться на статью президента РФ «Россия вперед!». Пять стратегических векторов экономической модернизации страны определены в ней, на наш взгляд, совершенно верно: энергетика, ядерные и информационные технологии, космическая связь, медицина. Но все они относятся, по введенной терминологии, к внешней оболочке, обеспечивают шансы на достижение достойного места страны в межгосударственной и межцивилизационной иерархии. Кроме того, все это есть не что иное, как инерционно сохраняемое наследие еще советской эпохи, в котором принципиальной новизны нет. Внутреннее же развитие РФ в статье, по сути, не затронуто, поскольку перечисленные векторы обеспечивают занятость лишь малой части ее населения.

Мобилизационную динамику может дать только уникальное сочетание внешних и внутренних мегапроектов. В выборе внешнего мегапроекта можно воспользоваться предложением проф. Г. Малинецкого, высказанным на семинаре в Институте динамического консерватизма [1], который

предлагает в качестве такого мегапроекта **«Евразийские транспортные коридоры»**. Тема эта обсуждается достаточно давно, в частности на примере Северного морского пути, как учеными, так и властными структурами. На наш взгляд, главное достоинство этих «коридоров» – транснациональный характер их создания и использования, что будет противодействовать международной изоляции и характерному для нынешней России отсутствию союзников.

Одним из внутренних мегапроектов может стать проект **«Качество российского населения»**. Он стянет в себя многочисленные подпроекты, связанные с проблемами наркомании и алкоголизма, культурного одичания и деинтеллектуализации широких масс. Соответственно, консолидирует в единый иерархический комплекс образование и воспитание, медицину, деятельность учреждений культуры и искусства, традиционных религиозных конфессий, средств массовой информации. Качество населения – не дикорос, а растение культурное, оно не может формироваться в режиме стихийного и естественного процесса самоорганизации. В начальной фазе этот процесс может быть организован только из единого государственного центра в форме сетевой структуры, охватывающей все субъекты Федерации.

Другим внутренним мегапроектом может быть, наоборот, проект, направленный на запуск процессов самоорганизации и самодетельной активности народного большинства, – например **«Гармония и органическое развитие»**.

Нужно исходить из того, что вполне отчетливо обозначился вызов на выживание русских в качестве народа исторического, а не просто этнографического материала. Ответить на него без невиданной ранее по

интенсивности мобилизации населения невозможно. Но как раз в настоящее время, в отличие от всех предшествующих периодов развития, русские как индивиды крайне слабы во всех отношениях. Таким образом, речь идет о мобилизации потенциала недостаточного по численности и в среднем невысокого по качеству населения России. Фактически мы находимся в ситуации не логической, а жизненной антиномии, а антиномия, как известно, есть противоречие в рамках рационального мышления неразрешимое. Разрешить его, видимо, можно лишь на основе какого-то радикально нового – сверхрационального – подхода. В чем он состоит – загадка не для интеллектуалов, а для государства, власти и русского народа в целом.

Существует не так много известных способов мобилизации населения для решения чрезвычайных, т. е. превышающих обычные возможности человека, ситуаций. Силовой способ хорошо известен русским со времен Петра I. Западный – экономический – основан на корысти и других низменных страстях, и используется сейчас в России. Результат уже имеется: за полтора десятилетия страна оказалась не только обескровленной, но и загнанной в новый исторический тупик. Забыли, что классический индустриальный капитализм возрос не только на «протестантской этике» трудолюбия, но и на костях и ресурсах колониальных народов, на открытом неравенстве в торговом обмене, на финансовой «химии», вроде современного бумажного доллара, и прочих уловках. Ничего из этого реквизита буржуазного джинна у России нет. Наконец, существует так называемый творческий способ мобилизации, суть которого состоит в самоэксплуатации ради идеи или замысла, что проявляется иногда в деятель-

ности ученого, художника и т.д. Но в таком режиме массы «творить» не могут.

Таким образом, ни один из этих способов мобилизации в чистом виде сегодня неприменим. С точки зрения структурной гармонии необходимо, вероятно, их уникальное сочетание. В предшествующих мобилизационных рывках использовалась технология концентрации на центральной задаче материальных средств и больших масс населения, которых бросали на «великие дела» как в топку дрова. Учитывая, что из 140 млн россиян дееспособны (работают) не более трети, такая мобилизация ныне физически и морально неприемлема. Поэтому мобилизация возможна лишь в форме раскрепощения и использования в естественных для русских жизнедеятельностных практиках потенциала отдельного лица. Суммирование индивидуальных потенциалов создает предпосылку снятия указанных ограничений и достижения кумулятивного эффекта.

Ключевым в решении этой задачи является фактор Большого пространства, многообразие и масштаб вмещающих ландшафтов. Человек в ситуации «густой социальности», стесненности в пространстве людских муравейников явно и скрыто вступает в борьбу с себе подобными, замыкаясь в себе из соображений безопасности как в непроницаемой капсуле. Творческая природа человека блокируется, так как благодатные энергии тварной природы и сакральных инстанций не проникают в закрытую систему, каковой становится индивид-капсула.

Возможны, видимо, различные способы активизации индивидуальных потен-

циалов. Например, демографический бум и реэмиграцию русских, на что надеется власть, на основе жилищно-ульев городской застройки инициировать невозможно. Поэтому катализатором реализации проекта «Гармония и органическое развитие может стать такая простая мера как инициированная и поддержанная государством массовая индивидуальная жилищная застройка (на основе законодательной базы – аналога американского закона 1862 г. о гомстедах). Она оправдана не только естественным стремлением индивида к закреплению личного пространства, но и интересами вторичного заселения русскими своей территории. Наличие семейной усадьбы императивно рождает вопрос о ее наследовании и прочерчивает вертикаль в будущее семейного гнезда, воссоздает возможность генеалогии как мощного инструмента внедрения чувства долга живущего поколения перед предками и потомками.

Литература

1. Инновации и Россия // газета Завтра: еженедельное общественно-политическое издание. – М., 2009. – № 29(817). – 15 июля.
2. Кургиян, С. Медведев и развитие / Сергей Кургиян // газета Завтра: еженедельное общественно-политическое издание – М., 2008. – № 12–17. – Апрель.
3. Латышев, А.А. Российские реформы начала XXI века как смена культурных форм жизнедеятельности / А. А. Латышев // Культурология, культура и искусство в современном российском социуме: сб. науч. ст.: в 2 ч. – Кемерово: КемГУКИ, 2007. – Ч. 1. – С. 239–248.
4. Миненко, Г.Н. Эволюция и революция в культурно-исторической динамике человека: монография / Г. Н. Миненко // Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 327 с.